

ЛОРЕНС БЛОК

ЛОРЕНС БЛОК

КАПЛЯ
КРЕПКОГО

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Б 70

Серия «Кино!»

Lawrence Block
A DROP OF THE HARD STUFF

Перевод с английского Н. Рейн

Компьютерный дизайн В. Воронина

Художник В. Ненов

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Блок, Лоренс.

Б 70 Капля крепкого : [роман] / Лоренс Блок ; [пер. с англ.
Н. В. Рейн]. – Москва : АСТ, 2015. – 352 с.– (Кино!).

ISBN 978-5-17-085818-7

Один неудачный выстрел — и детективу Мэтту Скаддеру приходится уйти из полиции, а его жизнь, кажется, теряет всякий смысл.

Еще один выстрел — и погибает человек, которого Скаддер знал в детстве, и тогда ему приходится вспомнить о своей профессии. Потому что только он понимает: Эллери, мелкого мошенника из Бронкса, кто-то заставил замолчать, пустив ему пулю в рот.

Но что мог знать Эллери? О чем и кому он, не доверявший полиции, мог рассказать?

Скаддер начинает расследование и вновь проходит по всем кругам ада Нью-Йорка, города, который скрывает множество темных тайн...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Lawrence Block, 2011

© Перевод. Н.В. Рейн, 2014

© Художник. Н.В. Ненов, 2014

ISBN 978-5-17-085818-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Посвящается Меган и Крейгу

*Как говорил губернатор Северной Каролины
губернатору Южной Каролины:
«Между первой и второй перерыв большой».*

Однажды поздним вечером...

— Вот я часто задаюсь вопросом, — произнес Мик Бэллоу, — как бы все сложилось, если бы я тогда пошел другой дорожкой...

Мы сидели в «Гроган-оупен-хаус», салуне «Адская кухня», которым он владел и управлял вот уже много лет. Облагораживание этого старого района, безусловно, повлияло на «Гроган», хотя и внутри, и снаружи бар мало изменился. Но местные закоренелые алкаши и дебоширы по большей части или умерли, или просто переехали, и нынешние завсегдатаи являли собой куда более пристойное зрелище. И здесь подавали фильтрованное пиво «Гиннесс», имелся также широкий выбор односолодового и других дорогих сортов виски класса «премиум». Но привлекала завсегдатаев сюда не выпивка, а эпатажная репутация заведения. Они указывали на дыры от пуль в стенах и рассказывали истории о славном прошлом владельца бара. Некоторые байки правдивы.

Сейчас в зале не было ни души. Бар закрыт, стулья перевернуты и лежат на столах, чтоб не мешали, когда на расвете придет паренек и начнет мыть пол. Входная дверь затворта, свет погашен, за исключением небольшого фонарика из цветных стекол над нашим столиком, где мы сидим с бокалами «Вотерфорд»¹. В бокале у Мика виски, в моем — содовая.

¹ «Вотерфорд» — торговая марка хрустальных изделий, производство которых было основано в 1783 г. братьями Пенроуз в портовом городе Вотерфорд, что на юго-востоке Ирландии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Наши встречи поздними вечерами последние годы стали редкими. Мы постарели, не слишком стремились переезжать во Флориду или заказывать в ближайшем семейном ресторане утреннее меню, но и не очень тяготели к долгим разговорам, за которыми можно скоротать ночь и встретить рассвет с широко распахнутыми глазами. Оба мы слишком стары для этого.

Мик стал заметно меньше пить. Примерно год назад он женился на Кристин Холлэндер — женщине, значительно моложе себя. Этот союз удивил всех, кроме моей жены Илейн, которая клялась и божилась, что предвидела нечто подобное. И изменил Мика — в том плане, что теперь у него появилась причина возвращаться домой пораньше. Он по-прежнему предпочитал «Джеймсон» двенадцатилетней выдержки безо льда и содовой, зато пил его теперь гораздо меньше, а выдавались дни, когда не пил вообще.

— До сих пор нравится мне этот вискарь, — говорил он. — Но долгие годы я просто сгорал от жажды, а теперь жажда оставила меня. Куда подевалась — без понятия.

В прежние времена мы имели привычку просиживать вот так ночь напролет, часами порой молчали, и каждый пил свой любимый напиток. На рассвете Мик поднимался из-за стола, надевал запятнанный кровью фартук своего отца, который работал мясником, и шел на утреннюю службу в церковь Святого Бернара, которую посещали почти исключительно мясники, поскольку находилась она в районе мясоперерабатывающего комбината. Время от времени я составлял ему компанию.

Но все меняется. «Мясной» район превратился в модное пристанище и бастион яппи, большинство фирм, давших название району, прекратили деятельность, их владения перестроили в рестораны и многоквартирные дома. А церковь Святого Бернара, прихожанами которой были в большин-

стве своем ирландцы, стала убежищем святой девы Марии Гваделупской¹.

Даже не припомню, когда при мне Мик в последний раз надевал этот фартук.

То была одна из редких наших ночных посиделок. Наверняка оба мы не могли без них обойтись, иначе бы давно разошлись по домам.

— Другой дорожкой, — задумчиво повторил я. — Что ты хочешь этим сказать?

— Временами, — отозвался он, — когда мне начинает казаться, что жизнь прожита напрасно, я твержу себе, что просто был обречен пройти именно таким путем. Я ничего не видел вокруг, потому как целиком сосредоточился на интересах бизнеса, понятных и чистых, как зубы гончей. Кстати, ты никогда не задумывался, при чем тут зубы гончей?

— Понятия не имею.

— Спрошу Кристин, — кивнул Мик. — Она сядет за свой компьютер и через тридцать секунд выдаст ответ. Это если не забуду ее спросить. — Он улыбнулся каким-то своим тайным мыслям. — Я сам не заметил, как стал самым настоящим преступником. Сейчас я в этом смысле человек безнадежно отсталый. Но тогда жил в районе, где преступность была основным занятием, а все окрестные улицы — прямо-таки институтом по изучению бандитского жаргона.

— И ты закончил его с отличием.

— Да. Я мог бы стать выпускником, произносящим прощальную речь, если бы подобное предложение поступало юным ворами и хулиганам. Но знаешь, далеко не каждый юнец из нашего квартала становился на преступный путь. Мой отец был уважаемым человеком. Он был... Впрочем,

¹ Святая дева Мария Гваделупская — название ассоциируется со знаменитым изображением святой девы Марии в одной из базилик Мехико.

почту его память и не стану сейчас говорить, кем он был. Я тебе о нем рассказывал.

— Да, рассказывал.

— И все равно он был уважаемым человеком. Каждый божий день вставал рано утром и шел на работу. А вот мои братья выбрали другую, более почтенную дорогу. Один стал священником — впрочем, ненадолго, но все потому, что вдруг утратил веру. Джон, он сильно преуспел в бизнесе, стал столпом общины. А Дэнис, бедняга, погиб во Вьетнаме. Я ведь тебе рассказывал, как ездил в Вашингтон увидеть его имя на мемориальном кладбище.

— Да.

*— Из меня бы вышел ужасный, просто никудышный священник. Даже не стал бы искать разнообразия в со-
вращении мальчишек-малолеток, алтарных служек. Ни-
когда не тянуло. И еще не представляю себя целующим раз-
ные задницы и бесконечно пересчитывающим доллары, как
мой брат Джон. Ну, ты уже, наверное, догадался, куда
я гну? Я мог бы пойти той же дорогой, что и ты.*

— И стать копом?

— А что такого?

— Да нет, ничего.

*— Когда я был маленьким, — продолжил Мик, — то ду-
мал: коп — вот прекрасное занятие для настоящего муж-
чины. Стоять на перекрестке в красивой униформе и ре-
гулировать движение, помогать детишкам переходить
улицу, защищать их от плохих парней. — Он усмехнулся. —
Да уж, действительно, от плохих парней. Как же мало
я знал! Но в нашем квартале жили ребята, которые по-
зже надели синюю униформу. И один из них, звали его Ти-
моти Ланни, сильно отличался от нас. Ты бы нисколько
не удивился, услышав, что он взялся за ограбление бан-
ков или стал стряпчим по самым темным и сомнитель-
ным делишкам.*

Мы еще немного поговорили о том, кто бы кем мог стать и насколько велик выбор у человека. Над последней темой следовало задуматься, и мы оба на несколько минут взяли тайм-аут в разговоре. Сидели, размышляли.

А потом он спросил:

— Ну а ты?

— Что я?

— Ты ведь не знал в детстве, что станешь копом.

— Не знал. Даже в голову не приходило. А потом пошел сдавать вступительные экзамены и, будучи полным идиотом, завалил их. Ну и тогда пошел поступать в Академию, и вот тебе, пожалуйста.

— Но ведь ты мог пойти и другим путем?

— И вместо этого стать преступником? — Я поразмыслил немного. — Не могу похвастаться врожденными свойствами характера, которые бы это исключали, — вздохнул я. — Просто меня никогда не тянуло в этом направлении.

— Нет.

— Был один мальчишка в Бронксе, я вырос с ним бок о бок, — вспомнил я. — А позже наша семья переехала, и связь с ним полностью оборвалась. А потом вдруг пару раз встретился с ним годы спустя.

— И он пошел другой дорожкой...

— А что ему оставалось делать, — заметил я. — Нельзя сказать, что он сильно преуспел в своем деле, но так уж сложилась у него жизнь. Однажды видел его в участке, сквозь зеркальную стену при опознании, ну а затем снова потерял из виду. А через несколько лет мы снова встретились. Еще до того, как с тобой познакомились.

— Ты тогда еще пил?

— Нет, но завязал совсем недавно. И года не прошло. Все же удивительно, что с ним произошло и как.

— А вот с этого момента, — попросил Мик, — давай поподробнее.

Глава 1

Не могу точно сказать, когда впервые увидел Джека Эллери, но случилось это в ту пору, когда мы почти два года жили в Бронксе. Ходили в разные классы, но в одну начальную школу. Видел я его только в коридорах на переменах или на спортплощадке после уроков, играющим в стикбол¹ или ступбол². Мы были достаточно хорошо знакомы, чтобы называть друг друга по фамилии, в соответствии с мальчишеским этикетом. Если бы кто тогда спросил меня, что за парень этот Джек Эллери, я бы ответил — нормальный парень. Полагаю, то же самое он сказал бы обо мне. Но это было все, что мы знали тогда друг о друге.

А потом бизнес у отца пошел из рук вон плохо. Он закрыл лавку, мы переехали, и снова я увидел Джека Эллери лишь через двадцать с небольшим лет. Лицо показалось знакомым, но я никак не мог понять, где я видел этого человека и кто он такой. Не в курсе также, узнал бы он меня или нет, потому как в тот момент я смотрел на него через одностороннее зеркало.

Случилось это то ли в 1970-м, то ли в 1971-м. Я носил жетон полицейского года два и служил детективом в Шестом участке в Гринвич-Виллидж, тогда он располагался на Чарлз-стрит в кирпичном здании довоенной постройки. Вскоре после этой истории участок переехал в новое помещение на Западной Десятой. Какой-то предприимчивый парень купил у нас старый дом и превратил его

¹ С т и к б о л — уличная игра, напоминающая бейсбол.

² С т у п б о л — уличная игра, похожая на бейсбол, где один из игроков ударяет мячом о крыльцо или стену и бежит к базе, а другие пытаются поймать мяч.

то ли в кооператив, то ли в кондоминиум. И отдал должное истории, назвав его «Le Gendarme»¹.

Годы спустя, когда появилась штаб-квартира Нью-Йоркского департамента полиции, примерно то же самое произошло со старым управлением полиции на Централ-стрит.

Но встреча состоялась еще на старом месте, на Чарлз-стрит, на втором этаже, и Джек Эллери проходил под номером четыре среди выстроившихся в ряд пятерых мужчин латиноамериканской наружности в возрасте от тридцати до сорока лет с хвостиком. Рост их варьировался от пяти футов девяти дюймов до шести футов одного дюйма, одеты были одинаково в джинсы и спортивные рубашки с распахнутым воротом. Они стояли и ждали, когда женщина, для них невидимая, опознает того, кто держал ее на мушке, пока его сообщник опустошал магазинную кассу.

Эта полная женщина лет пятидесяти выступала в совсем не подходящей для себя роли — она являлась совладелицей магазина хозяйственных товаров для мам и пап. Будь она учителем в школе, все ученики наверняка боялись бы ее как огня. Я присутствовал как сторонний наблюдатель, потому как дело вел другой детектив. Арест произвел коп в штатском по фамилии Лонерган, и я стоял как раз рядом с ним. В помещении возле женщины находился помощник окружного прокурора, там же маячил высокий костлявый юнец в скверном костюме — судя по всему, назначенный властями общественный адвокат.

Когда я носил полицейскую форму в Бруклине, напарником моим был старый и опытный Винс Махафи. Он научил меня сотне разных полезных штучек, в том числе при каждом удобном случае проводить такое вот опознание. Он говорил, это лучший способ познакомиться-

¹ Le Gendarme — жандарм (*фр.*).

ся с местными плохими парнями, вместо того, чтобы листать альбомы с размытыми снимками. Ты должен видеть и запоминать их лица, наблюдать за языком тела, только тогда сможешь хорошенько запомнить.

— Ну и кроме того, — говаривал он, — это же бесплатное шоу, так почему бы не получить заодно и удовольствие?

И вот я взял в привычку ходить на процедуры опознания в Шестом участке и в тот день тоже всматривался в лица выстроившихся в ряд мужчин, пока помощник окружного прокурора советовал женщине не спешить.

— Нет, я точно знаю, это он, — заявила она, на радость Лонергану. — Это номер три.

Тогда помощник прокурора спросил, уверена ли она, причем тоном, предполагающим, что свидетельница может и передумать. Тут общественный адвокат откашлялся, словно готовился возразить. Но необходимости в том не было.

— Уверена на сто процентов, — кивнула она. — Это именно тот сукин сын, который меня ограбил, и я готова поклясться в том перед всеми вами и самим Господом Богом.

Лонерган, услышав такое заявление, радоваться почему-то перестал. Все вышли, мы с ним остались вдвоем. Я спросил, что ему известно о Номере Три.

— Он помощник управляющего на рынке на Гудзоне, — ответил Лонерган. — Чертовски славный парень, всегда готов оказать услугу. Но мне следует прекратить вызывать его на опознания. На него указывают вот уже третий раз, а он из тех редких типов, который если найдет десятицентовик у телефона-автомата, тут же вернет его на место.

— А выглядит подозрительно, — усмехнулся я.

— Наверное, все дело в изгибе губы. Почти незаметен, но делает лицо асимметричным, а такие физиономии

доверия почему-то не вызывают. Как бы там ни было, но опознаний с его участием больше проводить не буду.

— Это если он не вляпается в какую-нибудь историю, — хмыкнул я. — А на кого она, по-твоему, должна была указать?

— Нет, это ты мне скажи. К чему склоняешься?

— Номер Четыре.

— В точку! Мне следовало сделать тебя свидетелем, Мэтт. В тебе что, инстинкт полицейского говорит или ты его просто узнал?

— Видел выражение его физиономии после того, как дамочка сделала выбор. Знаю, они не слышат, о чем мы здесь говорим. Но он почувствовал, понял, что соскочил с крючка.

— А вот я не заметил...

— Думаю, в любом случае я выбрал бы именно его. Знакомое лицо, а вот откуда я его знаю, ума не приложу.

— У нас на него досье. Может, ты видел это «прелестное личико» на снимках в альбоме. И прозвище у него имеется — Высокий-Низкий Джек, так его называют. О чем-нибудь тебе говорит?

Не говорило. Я спросил фамилию парня, несколько раз повторил про себя: «Джек Эллери, Джек Эллери».

И тут в голове словно что-то щелкнуло.

— Знал его давно, еще мальчишкой, — выдал я. — Бог ты мой, да мы не виделись с окончания школы.

— Что ж, — философски заметил Лонерган. — Стало быть, ваши пути-дорожки сильно разошлись.

В следующий раз я увидел его через несколько лет. Успел за это время уволиться из Нью-Йоркского департамента полиции и переехать из двухуровневого дома в Сайосете в гостиницу к западу от площади Колумба.